
ДОМ БЫТИЯ (И. БРОДСКИЙ, «СРЕТЕНЬЕ»)

Выражение «дом бытия» в дальнейшем будет употребляться в нескольких, на первый взгляд, параллельных, но на самом деле расходящихся в разные стороны из одного источника смыслах. В строго философском, терминологическом (по М Хайдеггеру: «Язык есть дом бытия» [см.: 6; 7; 9; 10]) в мифопоэтическом (с учетом, скажем, оппозиции «дом — лес») в культурно-символическом (имеется в виду традиция, восходящая у нас к Пушкину, когда слово Дом пишется с прописной буквы) и в некоторых других. Все они так или иначе сводимы к общему корню, ведь, по Хайдеггеру, подлинным является изначальное бытие (свойственное, очевидно же, мифопоэтическому сознанию), каким жила «досократовская», «допарменидовская» Греция, которая, по мысли Хайдеггера, и жила в «истине бытия». Это «изначальное бытие» есть не реализованная возможность для европейской культуры, и это, хотя и «забытое» современным сознанием бытие все же живет в самом интимном лоне культуры — в языке. Именно поэтому «язык — это дом бытия» [10, с. 61].

Хранителями этого дома являются, по Хайдеггеру, «мыслящие и поэтизирующие». По-настоящему язык и живет в поэзии. А.Михайлов так излагает основные идеи М.Хайдеггера относительно пары «язык — поэзия»: «Язык сам включает в себе силу творчества, он — пусть отчасти — ведет поэта. Язык и слово творят в поэте, как творят они и в создаваемом поэтом произведении» [7, с. 50]. Комментируя одну из работ Хайдеггера, Ганс-Георг Гадамер отмечает: «Замышление поэтического творения зависит от прежде проторенных путей — это предначертанные проторенные тропы языка» [6, с. III].

Все это позволяет расширительно толковать термин язык у Хайдеггера. Очевидно, язык — это и семиосфера, и концептосфера культуры, и мифопоэтическая модель мира. Это и язык как язык мифа

и поэзии, т. е. вторичная моделирующая семиотическая система. Все это и есть дом бытия. Но и концепт культуры, всегда соотносящийся с целостностью концептосферы, и глубокий символ, всегда системно связанный с целой семантической сетью, с языком в целом, — тоже дом бытия.

Филологам все это понятно и близко. Сознание, внутренний мир человека, мир культуры, мир текста или дискурса — это интенциональный и интенциональный мир, сформированный языком как языком культуры. Мир культуры, культурное сознание — вот где понастоящему явлено нам бытие. Бытие есть, когда есть кому им жить, его воспринимать, осознавать, переживать, постигать. Дом бытия — в широком смысле — это и дом души, дом внутреннего мира, дом сознания и дом культуры. Но правит в этом доме язык — его интенционалы, концепты, символы, его смыслы. Он, его глубинная семантика действительно ведет нас — и в жизни, и в творчестве.

Об этом, что важно для дальнейшего изложения, в свое время говорил И. Бродский. В нобелевской лекции он указывал, что с самого начала творческого процесса поэт переживает «ощущение вступления в прямой контакт с языком, точнее — ощущение немедленного впадения в зависимость от оно́го, от всего, что на нем уже высказано, написано, осуществлено». И далее: «пишущий стихотворение пишет его потому, что язык ему подсказывает или просто диктует следующую строчку» [3, т. 6, с. 53]. Представляет интерес проследить, как возможно подобное. С этой целью попробуем рассмотреть текст того же И. Бродского «Сретенье» [см.: 3, т. 3, с. 13–15].

Когда мы подходим к нему, возникает вопрос: почему именно о сретенье написал этот текст И. Бродский в марте 1972 г.? Что привело его к нему, какая движущая сила вела его при написании этого стихотворения — и привела к некоторым удивительным поэтическим и семантическим открытиям? Напомню, что в статье, посвященной лауреату Нобелевской премии 1975 г. Эудженио Монтале И. Бродский сочувственно цитирует слова итальянского поэта: «искусство слова, безнадежно семантическое искусство» [3, т. 5, с. 83].

На самом деле, чтобы ответить на этот вопрос, нужно открыть текст и прочитать первое слово, которое следует после названия. Это слово — Анна — из посвящения: «Анне Ахматовой». Можно предположить, что мысли, воспоминания об Анне Ахматовой и соответственно имя Анна сыграли ведущую роль в выборе темы.

Заметим, до 1965 г. Бродский написал целый ряд стихотворений, посвященных А.Ахматовой. Здесь стихи, скажем, 1962 г., где есть строки, высоко оцененные самим адресатом: «Вы напишете о нас на-искосок» [3, т. 1, с. 179]. Как он относился к ней, ясно из таких строк того же 1962 г.:

Когда подойдет к изголовью
Смотритель приспущенных век,
я вспомню запачканный кровью,
укатанный лыжами снег,
платформу в снегу под часами,
вагоны — зеленым пятном
и длинные финские сани
в сугробах под Вашим окном [3, т. 1, с. 190].

Нужно отметить, что уже тогда мысль об Ахматовой у Бродского возникала в соотношении с мыслью о смерти. Это пригодится в дальнейшем. Были и другие стихи [см.: 3, т. 1, с. 236]. Но, может быть, самое личное — это «Утренняя почта для А.А. Ахматовой из города Сестрорецка»:

В кустах Финляндии бессмертной,
где сосны царствуют сурово,
я полон радости несметной,
когда залив и Комарово
освещены зарей прекрасной,
осенены листвой беспечной,
любовью Вашей — ежечасной
и Вашей добротою — вечной [3, т. 1, с. 212].

Он писал ей и в 1964, и в 1965 г. Вслед за этим — молчание. За исключением случая со стихотворением «Сретенье» с 1966 по 1978 г. ни упоминаний, ни посвящений, ни эпитафий из Ахматовой. Да и то стихотворение 1978 г., которое сопровождается эпитафией «Пора забыть верблюдий этой гам», обращено к другой и скорее говорит об этом гаме и о том, что именно пора и надо забыть. И опять на долгие годы молчание. Лишь в 1989 г. появляются стихи «На столетие Анны Ахматовой». Здесь впервые Бродский как поэт смог сказать о ней, о жизни и смерти, душе и теле, любви и прощенье, вновь обретая дар прямой поэтической речи, обращенной к Ахматовой. Получается,

что такая вот прямая речь об Ахматовой (к Ахматовой) ему не давалась 23 года. Это можно понять, объяснения же вряд ли уместны.

Итак, стихотворение «Сретенье» посвящено Анне Ахматовой. И можно думать, что в марте 1972 г. на пороге разлома своей судьбы, в связи с очередной годовщиной ее смерти И. Бродский искал способ обратиться к ней, осмыслить и преодолеть то, что постигло её и его, но главным образом её. Незадолго до дня смерти А. Ахматовой (5.03) в церкви вспоминают Сретенье (15.02). Одним из участников этого евангельского события является пророчица Анна. Таким образом, имя Анна — совпадение имен — открывают тему. Но только ли совпадение? Есть мотивы и содержательные.

Первое, что нужно отметить, — в одном из интервью И. Бродский сказал по поводу этого стихотворения: «Дело в том, что именины Анны Андреевны Ахматовой на Сретенье приходятся — она сретенская Анна» [4, с. 298]. Второе: евангельская Анна — пророчица. Применимо ли к А. Ахматовой это слово или этот библейский концепт? Если говорить о мотивациях внешнего характера, то величия (и в глазах Бродского) ей было не занимать. Вспомним «Сонет» 1964 г. с эпиграфом из Ахматовой («Седой венец достался мне недаром»). Вот его последние строки:

Но, подступая к самому лицу,
оно (море — В. М.) уступит в блеске своенравном
седому, серебристому венцу,
взнесенному над тернием и лавром! [3, т.2, с. 80].

Но более важны мотивы внутренние. Вот свидетельства Бродского в диалогах с Соломоном Волковым: «Ахматова одним только тоном голоса или поворотом головы превращала вас в хомо сапиенс... В разговорах с ней, просто в питье с ней чая или, скажем, водки, ты быстрее становился христианином — человеком в христианском смысле этого слова, — нежели читая соответствующие тексты или ходя в церковь» [5, с. 223]. И далее: «На всех нас, как некий душевный загар, что ли, лежит отсвет этого сердца, этого ума, этой нравственной силы и этой необычайной щедрости, от нее исходивших... Мы шли к ней, потому что она наши души приводила в движение, потому что в ее присутствии ты как бы отказывался от себя, от того душевного, духовного — да не знаю уж как это там называется — уровня, на котором

находился, — от «языка», которым ты говорил с действительностью, в пользу «языка», которым пользовалась она» [5, с. 256].

Но главное сказано Бродским об Ахматовой в стихах на её столетие:

Бог сохраняет все: особенно слова
прощенья и любви, как собственный свой голос [3, т. 4, с. 58].

Напомню, пророк всегда говорит не от своего имени, а от имени Божьего, предваряя сказанное словами: «Так глаголет Господь». В ее словах Бог дает нам услышать собственный свой голос. Значит, не просто тезоименитство, не просто именины — совпадение по сути: Ахматова — пророчица Анна.

Итак, выбор для разработки евангельского сюжета был мотивирован содержательно. Отталкивался же Бродский от имени, вело его оно.

Но логика вспоминаемого сюжета вызывает и на первый план выводит имя Симеона. И собственно развертывание текста ведет уже это имя. Точное и подробное изложение евангельского сюжета, занимающее первые 11 строф текста И. Бродского, подводит его к теме, для него особенно значимой. Тема эта связана с тем, о чем он мог вспоминать в начале марта, в годовщину смерти А. Ахматовой, и о чем должен был думать годами — о смерти и о том, что она делает с человеком, с ушедшими и с нами, переживающими наши утраты. В Евангелии говорится: «Тогда был в Иерусалиме человек, именем Симеон. Ему было предсказано Духом Святым, что он не увидит смерти, доколе не увидит Христа Господня. И когда родители принесли Младенца Иисуса, он взял Его на руки и сказал: Ныне отпускаешь раба Твоею, Владыко, по слову Твоему, с миром» [Лк, 2, 25–29]. Ср. у Бродского:

А было поведено старцу сему
о том, что увидит он смертную тьму
не прежде, чем Сына увидит Господня.
Свершилось. И старец промолвил: «Сегодня,
реченное некогда слово храня,
Ты с миром, Господь, отпускаешь меня».

И в Евангелии, и у Бродского подчеркнуто, что из жизни Бог отпускает в покой смерти, с миром, что такая смерть может быть и желанна, и не страшна. Ахматова, писавшая: «Господи! Ты видишь, я ус-

тала Воскресать, и умирать, и жить» [2, с. 402], хорошо знала об этом. Она была способна «смерти ждать, как чуда» [2, с. 410]. Но Бродскому нужно было найти самому нечто подобное тому, что открыла для себя Ахматова, когда писала: «Будто там впереди не могила, А таинственной лестницы взлет» [2, с. 472]. Подобные истины не могут быть преподаны или переданы, они должны быть пережиты.

Итак, через Симеона вводится тема смерти. Частично преодоленной, потому что из гула земного бытия в нее отпускают, и отпускают с миром. Но преодоление это у Бродского остается именно частичным, что в тексте стихотворения находит выражение с помощью символа «смертная тьма», отсутствующего в евангельском тексте. Актуализация этого символа в оппозиции к символу «источник света» в последних строфах стихотворения играет значительную роль. Но главное авторское решение связано с неэксплицитным использованием концепта перспектива. Эксплицитно Бродский его использовал в значении «прямая перспектива», например, в таком фрагменте:

Человек, дожив до того момента, когда нельзя
Его больше любить... прячется в перспективу [3, т. 3, с. 280].

В диалоге с Соломоном Волковым (и именно об Ахматовой) Бродский обронил: «Жизнь очень быстро превращается в какой-то Невский проспект, в перспективе которого все удаляется чрезвычайно стремительно. И теряется — уже навсегда» [5, с. 224]. Именно этот концепт «ведет» дальнейшую разработку темы. Бродский показывает, что происходит с Симеоном после того, как он закончил пророчествовать о судьбе Младенца и Матери Его:

Он кончил и двинулся к выходу. Вслед
Мария, сутулясь, и тяжестью лет
согбенная Анна безмолвно глядели.
Он шел, уменьшаясь в значенье и теле
для двух этих женщин под сенью колонн.

Уменьшаясь в значенье и теле, Симеон уходит в перспективу, прячется, теряется в ней.

Далее разрабатывается мотив ухода — выхода в смерть. Смерть как символ-мифологема предполагает подчеркнутое противопостав-

ление жизни, живому. Смерть — нечто обратное жизни. Дальнейшее изложение ведет этот символ.

Нужно сказать, что в разработке темы смерти Бродский доходит до некоторых трудно вообразимых для обыденного сознания пределов: он явственно раскрывает — постигает, насколько смерть есть нечто противоположное жизни:

Он шел умирать. И не в уличный гул
он, дверь отворивши руками, шагнул,
но в глухонемые владения смерти.
Он шел по пространству, лишенному тверди,
он слышал, что время утратило звук.

Заметим, что эта подчеркнутая «обратность» — «обращенность» — противоположность живому в дальнейшем может быть и будет актуализована.

Если говорить о деталях, впрочем, значимых, обратим внимание, что слово «глухонемой» через 17 лет появится в стихотворении «На столетие Анны Ахматовой»:

Великая душа, поклон через моря
За то, что их (слова — В.М.) нашла — тебе и части тленной,
что спит в родной земле, тебе благодаря
обретшей речи дар в глухонемой вселенной.

Одно словоупотребление поддерживает и поясняет другое. Коль скоро Вселенная глухонемая, она мертва (если вспомнить «Сретение») без слов прощенья и любви. Но, с другой стороны, глухонемая вселенная, а значит, и глухонемые владения смерти — могут быть преодолены в этом их качестве. Иначе говоря, полагание предельного по негативности состояния предполагает усилие преодоления безблагодатности, немоты, глухоты, тьмы смерти.

Собственно, ради такого преодоления и писалось стихотворение «Сретенье».

Дом бытия, язык культуры, мифа, символики устроен так, что, дойдя до определенного предела, ты можешь изменить точку зрения и, например, открыть для себя обратную перспективу. Если смерть во всем противоположна жизни, то и следует взглянуть на всё «с той стороны» и увидеть всё в «обращенном» виде.

Такой подход или такой ход мысли или, вернее, творческой интуиции не был чужд Бродскому. В 1991 г. в очередном рождественском стихотворении он писал:

века
одних уменьшают в размере, пока
другие растут — как случилось с Тобою [3, т. 4, с. 107].

В «Сретенье» Симеон

Шагал по застывшему храму пустому
к белевшему смутно дверному проему.

Если смотреть вслед Симеону и видеть светящуюся дверь, лучи от нее по закону прямой перспективы для наблюдателя (в данном случае Марии и Анны) сходятся у двери. Если же выйти за дверь и оглянуться, лучи будут расходиться. «Обращение» сходящихся и расходящихся лучей, соответственно линий перспективы, «обращение» представления лиц и предметов — в этом одна из основных особенностей обратной перспективы, используемой в иконописи для выявления зримым способом сакрального [1; 8].

Родной для И. Бродского дом бытия устроен так, что в его символике и образности сакральное маркируется через проявления обратной перспективы. Язык как семиосфера, символосфера, концептосфера неоднократно диктовал поэту соответствующие решения. Уже в 1963 г. в рождественских стихах он писал (имея в виду караваны волхвов, которые шли поклониться Младенцу):

Звезда, пламенея в ночи,
смотрела, как трех караванов дороги
сходились в пещеру Христа, как лучи [3, т. 1, с. 282].

Образ этот для поэта настолько значим, что он его использует еще раз, в рождественских стихах 1989 г.:

Представь трех царей, караванов движение
к пещере; верней, трех лучей приближенье
к звезде [3, т. 4, с. 70].

И здесь все зависит от точки зрения. Внешняя точка зрения говорит, что лучи сходятся. Но если оказаться в сакральном центре, лу-

чи разворачиваются в разные стороны. И здесь, как и вообще в языке как доме бытия, сакральное маркируется характеристикой «обратная перспектива». Это заложено в семантике культуры, в ее пространственной семиотике. Язык продолжает диктовать.

Так можно приблизиться к пониманию символического преодоления смерти, которое представлено в последних двух строфах «Сретенья». Симеон идет «смертной тропкою»

в ту черную тьму,
в которой доселе еще никому
дорогу себе озарять не случалось.

Но то-то и оно, что он соприкоснулся с тем, о ком несколько минут назад сказал:

глаза мои видели это
Дитя: Он Твое продолженье и света
источник...

Приобщившийся к этому (сакральному!) источнику может обладать тем, о чем Христос сказал: «свет, который в вас». Такой свет, сакральный, человек может пронести с собой, переступая за порог смерти. И тогда он — носитель сакрального света и — соответственно — центр развертывания линий перспективы, и смертная тропа начинает разворачиваться так, как и положено по закону обратной перспективы:

И образ Младенца с сияньем вокруг
пушистого темени смертной тропкою
душа Симеона несла пред собою,
как некий светильник, в ту черную тьму
в которой доселе еще никому
дорогу себе озарять не случалось.
Светильник светил, и тропа расширялась.

Надо ли говорить, что в пространстве, лишенном тверди, Симеон идет по лучу, исходящему из его светильника, и это именно луч расширяется. Симеон уже в ином мире, но в этом мире, который прежде был только миром черной тьмы, есть свет, источник света, есть луч этого света, который ведет его через узкие врата дальше, путем, который расширяется в этом луче, потому что сама эта тропа — луч.

Это иной мир, но это не черная тьма, не ничто, это все тот же дом бытия. Обретение такого света во тьме, обретение дома бытия по ту сторону бытия было для автора главной целью и главным достижением, которого он добивался не для себя — для той, кому адресован этот текст.

В этом доме бытия теперь, после написания «Сретенья», пребывает Анна Ахматова (во всяком случае для Бродского, но, может быть, и для нас?). Ведь, надо думать, именно опыт осмысления этой утраты дал ему понимание того, что

Века
одних уменьшают в объеме, пока
другие растут.

Одни, лишенные сакрального света, могут быть обречены на прямую перспективу и уменьшаться в значенье и теле, пока не спрячутся в перспективу и не потеряются — уже навсегда. Но если об Ахматовой сказано «на всех нас лежит отсвет этого сердца» значит, источник света был в ней. Тот (та), кто несет слова прощенья и любви, пребывает в любви, а «кто в любви пребывает, тот в Боге пребывает, и Бог в нем» [1 Ио., 4:6]. Приобщившийся к Богу и свету, нашедший слова прощенья и любви не только оставляет после себя речи дар в глухонемой вселенной, но и через этот дар передает нам иной язык, с которым, посредством которого преодолевает в себе, для себя — для нас то, о чем сказано «глухонемые владения смерти» и претворяет мир, и жизнь в нем, и смерть — в сакральное единство, в данный нам здесь и сейчас — и в то же время вечный Дом бытия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев С. Энциклопедия православной иконы. — СПб: Сатис, 2004. — 335 с.
2. Ахматова А. Избранное. — М.: «Худож. Лит.», 1974. — 592 с.
3. Бродский И. Сочинения Иосифа Бродского. Т. 1–7. — СПб: Пушкинский фонд, 2001.
4. Бродский И. Большая книга интервью. — М.: Захаров, 2000. — 703 с.

5. Волков С. Диалоги с Иосифом Бродским. — М: Изд-во Независимая газета, 1998. — 328 с.
6. Гадамер Г. Введение к «Истоку художественного творения» // Хайдеггер М. Работы и размышления разных лет. — М.: Гнозис, 1993. — С. 120–132.
7. Михайлов А. Вместо введения // Хайдеггер М. Работы и размышления разных лет. — М.: Гнозис, 1993. — С. VII–LII.
8. Флоренский П. Обратная перспектива // Философия русского религиозного искусства XVI–XX вв. — М: Прогресс, 1993. — С. 247–264.
9. Хайдеггер М. Работы и размышления разных лет. — М.: Гнозис, 1993. — 464 с.
10. Heidegger M. Platons Lehre von der Wahrheit. — Bern, 1947.